

ЭТНОФОР: ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА ЭТНИЧНОСТИ РАЗДЕЛЕННОГО ОСЕТИНСКОГО ЭТНОСА)

А.Х. Хадикова

В статье предпринимается попытка выявления историко-этнографической сущности междисциплинарного понятия «этнофор», его конкретного этнокультурного содержания, понятийной системности в области исторических дисциплин, уточняются границы предметного поля этнологии в отношении изучения этнофора как основного репрезентанта этноса. Изыскание основано на результатах многолетних исследований автора в области этничности разделенного осетинского этноса и предваряет намерение конкретного историко-этнографического /антропологического анализа осетинского «этнофорства», предполагаемого к осуществлению в ретроспективном плане: от архаики до современного состояния. В изыскании указаны источники, соответствующие определенным хронологическим периодам и указывается, что исследовать мир современного этнофора планируется посредством интерпретации результата опроса студенческой молодежи, осуществленного в 2021-22 гг., а также прицельного анализа интернет-пространства, блогосферы Северной Осетии. Частично эти данные содержатся в статье, но в целом она носит постановочный характер. На этом этапе работы обобщаются концептуальные взгляды, предлагаются наиболее эффективные исследовательские стратегии изучения характерных закономерностей формирования свойств этнофора и версии их актуализации в контексте социальной и исторической изменчивости этноса. Основываясь на опыте обобщения осетинского этнографического материала, автор предлагает исследовательские планы изучения этнофорства, а также сосредотачивает внимание на институциях, проецирующих субъектный аспект этнокультурной преемственности, этнической идентичности. В исследовании уточняются и проблемы изучения этнофора в перспективе актуальных потребностей установления более широких идентификационных маркеров («россияне»). Проблематика этнофора рассматривается также в контексте исследовательской парадигмы современной этнологии, точнее объединения ее основных концептуальных платформ.

Ключевые слова: этнофор, субъектный аспект этнического процесса, мыслительный субстрат этноса, этническая самоидентификация, опрос, анализ интернет – пространства, исследовательская парадигма современной этнологии.

Цель данного изыскания – выявление конкретного этнокультурного содержания междисциплинарного термина «этнофор», его понятийной системности в области этнологии и антропологии. Статья предваряет намерение автора исследовать характерные закономерности формирования свойств этнофора в контексте социальной и исторической изменчиво-

сти осетинского этноса, процессов общественных модернизаций. Нас интересует структура этого уникального феномена, его функционал в разных воплощениях былой и нынешней жизни этноса. В данном контексте термин «функционал» связан с функциями отбора и сохранения позитивного опыта в механизмах этнического самовоспроизводства. Подобная

направленность статьи соответствует вполне созревшей необходимости уточнения историко-этнографической сути междисциплинарного термина *этнофор* (греч. *ethnos* – народ, *phoros* – несущий) и феномена, метко обозначенного этнологами как «этнофорство» [1].

Статья основана на результатах наших многолетних поисков в области этничности разделенного осетинского этноса и обосновывает целесообразность следующих исследовательских намерений:

- всестороннего историко-антропологического анализа этнофора как минимального носителя этнокультуры осетин;
- изучения тех форм этнической жизни, которые более всего влияют на субъектные процессы этноидентичности этого этноса, насыщают ее конкретным содержанием, смыслами, символами и пр.;
- выявления социальной и исторической изменчивости свойств этнически опосредованной личности, в нашем случае осетина. Уточним, что нас интересуют как «пусковые» аспекты этнофорства, так и его текущие характеристики.

Из сказанного следует, что статья носит скорее постановочный характер, предшествующий конкретным эмпирическим обобщениям в области осетинского этнофорства (примем этот оборот как реальный и рабочий). На этом этапе работы обобщаются концептуальные взгляды, предлагаются наиболее эффективные исследовательские стратегии изучения характерных закономерностей формирования свойств этнофора и версии их актуализации в контексте социальной и исторической изменчивости этноса. Заявленный нами исследовательский ракурс актуализирует, прежде всего, субъектный аспект этнокультурной преэминентности. Выражаясь точнее, условную «концепцию осетина» – выверенную историческим опытом субъективную картину мира представителей этноса и

тех этнических идеалов, приверженность которым (пусть и на уровне исторической памяти), все еще имеет для современных осетин довольно весомый идентификационный и консолидационный потенциал. Здесь уместно подчеркнуть способность этно-регионального уровня исследований «этнофорства» влиять на более глубокое осмысление современных этнических процессов, в частности, их субъектного аспекта.

Термин «этнофор» (в понимании индивида, в ментальности которого этнические ценности и категории занимают особенное место), ввел в научный оборот советский / российский этнограф В.В. Пименов еще в 1977 г. [2] Тем не менее, предметом целенаправленных историко-этнологических / антропологических изысканий этот вопрос, увы, становился нечасто. В то время как в психологии (преимущественно этнопсихологии) и социологии сформирована целая традиция изучения и этнофорства, и жизненных форм современной этнической культуры, и концептуального пространства этносоциума. В зависимости от предмет-объектного поля разных дисциплин, внимание исследователей привлекали, соответственно, и разные качества и функционал этнофора: аккумуляция социального опыта, субъективизация этнического самосознания, актуализация этноменталитета и т.д.

Понимая весьма широкие возможности историка – этнолога использовать междисциплинарные достижения, сосредоточимся на стратегиях изучения этнофора как мельчайшей единицы этноса, субъекта этнических процессов, носителя этнической культуры и основного репрезентанта этничности. Собственно, полномочиями только что перечисленных дефиниций этнофора очерчивается и предметное поле этнологии в его изучении. Оговорим и тот факт, что объективность усиливающихся тенденций ан-

тропологизации этнологии встраивает проблему этнофорства в дискурс «антропологии в широком смысле как всеобщего и многоаспектного учения о человеке» [3]. Попутно отметим, что антропологи интерпретируют физические свойства этнофора (телосложение, пигментацию и пр.) и психофизиологические особенности и обратимся к важным для нас достижениям психологов, которые, изучая перцептивный аспект этнического общения, анализируют специфику восприятия этнофоров, их этнокоммуникативные и прочие качества [4; 5].

Особенно подчеркнем рассуждения психолога Д. Мацумото о различиях в эмоциональных проявлениях этнофоров в *индивидуалистических* и *коллективистских* культурах, поскольку они чрезвычайно важны для более глубокого понимания осетинского этнофорства [6]. Данное положение ученого может дать ответ о происхождении некоторых, на первый взгляд, казуистических характеристик субъективного восприятия современными осетинами «себя самих», собственного этноса. Чаще всего оно бывает критичным. Предельно самокритичным. Это не вполне обычное для кавказского этноса обстоятельство находит свое объяснение в концепции ученого о психологической специфике этнокультур. Уточняем: представители этносов индивидуалистической культуры склонны к группе «своих» выражать чаще негативные эмоции, в то время, как в отношении «чужих» они их либо не высказывают, либо высказывают не столь категорично. Результаты проведенных нами в 2021/22 гг. опросов среди студентов-осетин, а также прицельного анализа осетинской блогосферы подтверждают версию, что к этносам именно такого типа и относятся осетины. В коллективистических же этнических культурах, напротив, негативные чувства к «своим» в большей степени принято подавлять.

В исследованиях психологов обобщены и другие чрезвычайно важные для нашей проблематики положения, к примеру: для уравновешенного, защищенного состояния этнофора необходимо преобладание позитивных самооценок. Результаты даже поверхностного анализа на этот предмет осетинского этноса убеждают в приемлемости и своевременности организации совместных усилий психологов и антропологов в направлении поиска мер, направленных на цели стабилизации этой сферы у осетин. Всех интересующихся мы можем адресовать к разработкам этнопсихологов относительно статуса этноса, выстраиваемого из стихийного сопоставительного анализа «нас» и «их» [7; 8].

Безусловно отдавая должное всем достижениям современной этнопсихологии, считаем полезным несколько отгородиться от ее предметной области и сосредоточиться на историко-этнологическом / антропологическом аспекте проблемы. Дополним ранее высказанный тезис о предмете этнофорства: мы видим его в изучении конкретных этнографических институций, проецирующих *мыслительный* субстрат этнической самоидентификации. В первую очередь, это предполагает сосредоточенность исследователей на:

- факторах субъективного осмысления базовых этнических реалий;
- процессах их преобразования именно на мыслительном, эмоционально-рациональном уровне в категории «мы», «свое», «наше». Будь то оценка «кодовых» элементов этнокультурного наследия, символов общего происхождения, исторической памяти и многого другого.

В тактической разработке нашей проблематики необходимо учитывать важное условие современной этнологии: изучение этнической реальности (в нашем случае осетин) должно рифмоваться с процессами более широкой групповой

солидарности: например, «кавказцы», «россияне». Поиски путей эффективной инкорпорации в уровень «россиянин» все чаще озвучиваются в работах ведущих отечественных этнологов [9]. Что в актуальный ракурс современной этнологии вводит проблему мыслительной сферы этноса, и надо признать, что в перспективе социокультурных изменений каждого народа роль этой сферы поистине велика. Совершенно понятно, что в подобном исследовательском спектре особенное значение обретают изыскания, связанные с этнофором, как субъектом мыслительного функционала этноса.

Вопросы формирования личности являются исследовательской сферой психологии, однако заметим, что в культурном пространстве каждого этноса и личность, и свойственные ей нравственно-коммуникативные программы формируются как объективное отражение исторического пути, пройденного каждым из них. Психологи рассматривают личность как набор объективных характеристик и диагностических показателей. При этом видный отечественный психолог и автор культурно-исторической теории развития поведения и психики Л.С. Выготский полагал, что источники и детерминанты психического развития лежат в исторически развивающейся культуре [10]. Стало быть, и психологами признано, что основательное понимание личности невозможно вне научного осмысления историко-этнографических событий и обстоятельств жизни носителя конкретной этнической принадлежности. Эта специфика соотносима с этническими чувствами, поведением, мыслительными ориентирами этнофора как субъекта «сложноструктурированного центра духовных актов» [11]. Это понятие, предложенное этнографом С.Е. Рыбаковым, отчетливо перекликается с мнением другого этнолога М.Н. Губогло, в толковании которого отделять «своих»

от «чужих» людям позволяет «реализация существующего набора объективных и субъективных признаков, по которым каждая личность субъективно относит себя к определенной этнической общности и объективно себя в ней реализует» [12].

Субъективные ощущения индивидуальной и групповой этничности все больше привлекают внимание историков, в первую очередь этнографов. В этнологии / исторической антропологии создается все больше версий этнологического учения о личности, основанных на анализе культурных ориентиров, ценностей, убеждений, идеалов, образов, норм, установок, этностереотипов и пр. В попытке выявления этнографического аспекта этого учения исследователи все чаще обращаются к вопросам, какими факторами этнокультуры мотивировано национальное чувство и пр. Теоретически на основании этнографического материала возможно выявить и историческую ценностно – мотивационную базу этноса, и разные проекции формирования этнофорства, и степень их внедрения в современные процессы этнической идентичности.

Для нас важно, что базой единения этнофоров в мыслительную номинацию «мы» служит осознание исторического пути, пройденного вместе, причастности к единым этнархам, духовности, часто – к славе и подвигам предков. Безусловно, важна единая обрядовая культура, конкретные традиционные институции и пр. Прибавим сюда еще родной язык (также, к слову сказать, формирующийся исторически) и прояснятся тонкости и «строительный материал» этого самого мыслительного склада каждого народа. Стартуя на самых ранних этапах этнической истории народа, мыслительный склад образует и основу, и иерархию субъективных этноидентификационных маркеров, участвующих в процессах воспроизводства этноса.

Еще раз подчеркнем, что этнологический (антропологический) подход к изучению этнофорства, его концептуализация на базе современного народа во многом связаны с анализом осмысленного восприятия \ оценки его представителями собственного этнокультурного наследия. Конкретно – тех его компонентов, которые объективно сформировались на ранних этапах этногенеза, но и поныне продолжают ваять современный этнический облик народа. Региональные исследования, в том числе и наш анализ феномена этничности на примере разделенных осетин свидетельствуют о сохранении влияния традиционных этнических ценностей и норм на формирование тезы «мы» [13]. Анализ личностного образа, социально одобренного определенным этносом, позволяет проникнуть в корневую систему эмоционально-рациональных мотивировок, исторически сложившихся у каждого народа. Стало быть, поиск «концепции лица» предполагает выявление типичных характеристик базовой, т.е. основной личности этноса, а также тех поступков (социальной активности в целом), которые в общественном мнении зарекомендовали себя как достойные.

При этом исследователям-историкам, на наш взгляд, стоит обратиться к примерам реальных личностей – этнофоров, существенно повлиявших на моральное состояние своего этноса. У осетин – это деятельность и вся жизнь Коста Хетагурова (1859-1906 гг.), других истинных радетелей всеобщего просвещения Цоцко Амбалова, Бабу Зангиева, в Южной Осетии Ванка Санакоева и др. В целом в такой роли выступают и ученые (И.Г. Фихте для немцев) и, конечно же политики, такие как Мустафа Кемаль Ататюрк для Турции, Шарль де Голль для французов и др.

Мир современного этнофора, как уже оговаривалось выше, может быть исследован посредством прицельного опроса,

а также глубокого научного анализа интернет-пространства, социальных сетей, блогосферы и пр., и мы прибегли к анализу этих источников. Полученные данные, а также наши предшествующие многолетние изыскания в области феномена этничности осетинского этноса позволили нам сделать некоторые выводы относительно исследования проблематики этнофорства в историко-антропологическом контексте. Обобщая их, мы полагаем целесообразными следующие шаги:

I. Уточнить оптимальные стратегии анализа этнографического содержания культурно – ментальной мыслительной сферы, формирующей качества этнофора. Исторических и культурно – антропологических обстоятельств созидания и трансляции идеального этнического образа, его мотивационного ядра и последующих трансформаций. Безусловно, высоко эффективен историко-этнологический подход, историко-реконструктивный метод. Последовательный анализ архаических и традиционных этнокультурных феноменов, проецирующих качества этнофора, сделанный на фоне исторического развития этноса, его социального генезиса и этнической истории, может повлиять на факторы воссоздания единого духовного поля разделенных осетин.

Однако опыт подсказал нам приемлемость сочетания привычных для этнологии методов и подходов с весьма специфическими, междисциплинарными. Мы исходим из необходимости самого разностороннего анализа этнофора как минимальной единицы этноса, как носителя той тонкой культурной материи (моральных ценностей, этических убеждений, идеалов, нравственных мотиваций, традиций, социальных привычек, норм, этностереотипов и пр.), эмоциональные рефлексии которой, собственно, и участвуют в процессе условного мыслительного отделения «нас» от «них». На этом основана наша убежденность в необхо-

димости применения *субъектного подхода* при изучении концепции личности этнофора. Для нас важно, что данный подход обращен к анализу эмоционального субъективного преломления этнокультурных ценностей и традиций, и что особенно актуально сейчас – принятия / отрицания новыми поколениями культурных и духовных накоплений предков. Субъектный подход логически связан с *феноменологическим* подходом, обращенным к присущим этнофору качествам смыслопорождения. Историки зачастую используют его как актуальную стратегию изучения образа мыслей, чувств, ценностей, внутреннего духовного мира человека прошлых лет. В нашем случае широчайших хронологических рамок исторических ретроспекций он более чем уместен. Равно успешно подход применяется при анализе эмоций, связанных и с заповедями предков, и с современным восприятием «себя», своего этнического мира.

Подчеркнем, что и сам этнофор может рассматриваться в качестве серьезной этнической институции, формирующейся объективно, исторически и суммирующей гуманистические накопления разных периодов социальной эволюции каждого народа. Поэтому должное внимание стоит уделить факторам эмпатии (включая понятия сакральной взаимности с природой, с Создателем) и, соответственно, *эмпатическому* подходу. С помощью интерпретативного метода он позволяет воспроизводить логику представителей изучаемого этноса, причем вне зависимости от того, современная ли культура подвергается анализу, либо реалии давно ушедших времен.

Результаты опроса свидетельствуют о преобладании ценностных понятий в системе этнической самоидентификации молодых осетин. Что, в принципе, закономерно, поскольку базовые моральные ценности есть психическое образование

этноса, определяющее программу поведения его представителей. Еще раз заметим – даже в том случае, когда эти ценности сохранились не в объеме полноценных практик, а только этнических идеалов. На изучение содержания ценностей, их иерархии, исторических трансформаций и влияния на формирование этнически опосредованной личности направлен *аксиологический* (ценностный) подход. Если попробовать вывести некую шкалу измерения духовного единения этноса, то основным показателем станет степень влиятельности духовных, морально-этических ценностей на молодые поколения. Мы можем сделать вывод, что с ослаблением / потерей престижа сложившихся в этносе ценностных ориентаций молодые люди связывают и перспективу угасания этничности. Характерно, что это убеждение зафиксировано еще в осетинских фольклорных источниках [14, 311-318].

Важным для нашей проблематики является и *институциональный* подход, позволяющий отследить глубокую связь этностереотипов поведения с процессами идентичности. Его эффективность усиливается возможностями вникнуть в суть современной этнографической реальности, в которой индивиды – этнофоры могут нарушать нормы использования языка, культурные традиции и стереотипы, связанные с религиозными верованиями и пр., но при этом не ставить под сомнение свою полную принадлежность к этносу. Что чрезвычайно актуально для современной осетинской действительности. Следующий, *культурогенетический реконструктивный* подход уместен при исследовании качеств, манифестируемых как наилучшие. Будучи обращенным к анализу культурных реликтов, зафиксированных в самых ранних источниках (к примеру, нартском эпосе), подход может быть с успехом применен при анализе «культуры себя», основательно утра-

ченной, но все еще волнующий современных осетин. Компоненты этой культуры (концепт «честь» и пр.), суммирующие духовную биографию этого этноса, могут быть реконструированы при обращении к ранним источникам, в том числе фольклорным.

Дальнейшее развитие направления историко-антропологического изучения этнофорства может быть только усилено расширением состава применяемых подходов, позволяющих использовать теоретические методы смежных дисциплин, работающих, тем не менее, на выявление разных аспектов научного поиска этнологии / антропологии.

II. Подвергнуть научному анализу:

- конкретное этнографическое содержание феномена «этнофор» в пространстве семиосфер прошлого и настоящего;

- семантику личностных образов, сопровождающую их этносимволику, в том числе сохранившуюся в современной этнической среде;

- этнизационные ресурсы культурно-ментальной среды этнофора в прошлом и настоящем.

Уточним, что ориентируемся на толкование менталитета, принадлежащее известному отечественному историку А.Я. Гуревичу, и центральное место в нем отведено личности, в нашем контексте этнофору: «Ментальность – это социально-психологические установки, автоматизмы и привычки сознания, способности видения мира, представления людей, принадлежащих к той или иной социально-культурной общности» [15]. Вместе с тем, мы принимаем во внимание и те категории ментальности, которые были предложены психологами: стиль мышления, национальный характер, социальные установки, деятельность, общение [16]. Взаимодополняемость дефиниций в трактовке мыслительной сферы этноса может способствовать более точному пониманию этнофорства, включая, как

самый широкий его контекст «человеко-культуры», так и более узкие проекции: программные понятия жизни, установки и стереотипы, этнокультурные маркировки возраста, пола, родства и прочих аспектов регулятивно-нормативной среды этноса.

Важной частью историко-антропологического исследования этнофора должен стать анализ системы социализации. В данном контексте она равна этнизации, поскольку представления о лучших человеческих качествах имеют весьма отчетливую этно-историческую базу. Носителем ценностей собственной этнической культуры человек становится по мере усвоения им исторически сформированных «своих» ценностей, норм, навыков – всей совокупности духовного этнонаследия. Наши, достаточно продолжительные исследования ценностной сферы осетин дают нам основание утверждать, что изучение этнически опосредованной концепции социализации / этнизации есть один из ключевых аспектов подобных поисков.

III. Выявить конкретное этнографическое содержание «концепции лица» этнофора, базовой этнической личности, упомянутой уже этнизации и сделать это в исторической ретроспективе: от архетипических и традиционных образов, далее через процессы трансформации и модернизации до актуального современного состояния. Поскольку формирование качеств этнофора есть исторический процесс, отражающий разные периоды этнической истории, полагаем необходимым последовательное обращение к каждому из них (архаический, традиционный и далее). Мы намерены это сделать в отношении изучения осетин, однако не в рамках этой статьи, разумеется.

Поскольку «исходные» и «исконные» формы этнизации личности кроются в самых древних пластах этнического прошлого, источником для их реконструкции

являются мифологические памятники. У осетин – это в первую очередь мифы, сохранившие главный лейтмотив древней этики и морали народа – создателя эпоса о нартах, той его духовной атмосферы, которая воплотилась в вариантах персонализации эпических героев. Это что касается архаики. Относительно же традиционного периода, качества осетина – этнофора реконструируются по записям путешественников, офицеров, публицистики XIX-XX вв. и, в первую очередь, по работам первых профессиональных исследователей. К примеру, выдающийся ученый В.Ф. Миллер (1848-1913) в этнографической части своих осетиноведческих исследований много внимания уделил ценностям внеэкономического характера, духовным и коммуникативным аспектам восприятия «своего» мира.

Еще одно актуальное пояснение, следующее из нашего многолетнего опыта разноаспектного анализа этнической культуры осетин: целенаправленное изучение феномена «этнофор» важно строить в соответствии с его многочисленными проекциями и планами в разных ипостасях жизненных сфер этноса:

1. Условно узкий план: этнофор – личность с присущими ей культурными и социальными навыками. Предполагает изучение этнического содержания индивидуальных социальных ролей этнофора и соответствующего этим ролям статусного коммуникативного функционала. Речь идет о проекциях, более всего выражающих этническое естество: старший – младший; мужчина – женщина; родственник – посторонний и пр. В них сконцентрирована этнографическая специфика всякого этноса, отражена тонкая ткань ментального склада. Но в большей степени этот план актуален для архаического и традиционного периодов.

2. Условно средний план: этнофор в контексте коллективных реакций групп, в которые он интегрирован. Собственно,

эти группы и являются полем трансформационных процессов этноса. У осетин традиционно – это, к примеру, соседские сообщества (*сыхбагста*) и др. Подчеркнем, что наш особый интерес связан с возможностью отследить состояния этнофора в динамике – в переходе от моноэтнической группы в традиционный период к обстоятельствам полиэтнического состава населения современных Северной и Южной Осетии. Исследования этого плана дают возможность понять тенденции развития этноса, их возможные варианты, причем в аспекте механизмов этнического самовоспроизводства.

3. Условно широкий план назовем общеэтническим. Свою исследовательскую задачу мы видим в выявлении путей сохранения или обновления форм этнического бытия, выстроенных этносом внешних контактов и проекций этих процессов в субъектном мире этнофора. При этом нас интересует этнос в его многогранной современной деятельности: политической, производственной, культурно-эстетической и пр. Нам интересны и новые формы массовой активности субъектов этнического процесса в современном информационном обществе.

Теперь обратимся к главному качеству этнофора, особенно в отношении разделенного осетинского этноса: к эмоционально окрашенному осознанию причастности индивида к общей этнической идентичности. Тенденции современной этнологии, в частности региональных исследований, направлены на углубление изыскательской задачи в отношении этнофорства и связанного с ним национального чувства. Подобного рода исследования (изначально психологические) теперь обретают актуальность и в отечественной этнологии в связи с перспективами формирования общероссийской самоидентификации, способной вобрать в себя этническую идентичность. Особое внимание при этом уделяется социаль-

но – духовному опыту этноса, его мыслительной сфере. Вне всяких сомнений, чрезвычайно важная для нашего полиэтничного государства идея формирования идентичности уровня «россиянин», должна внедряться в систему идентичностей гармонично, деликатно и с учетом всех регионально-этнических специфик. Последние подлежат тщательному и всестороннему изучению.

Антропологу интересно, чем наполняется и от чего зависит мера этнического чувства у разных народов. Некая своеобразность этого вопроса предопределена еще и тем обстоятельством, что даже в одном регионе (Российского Кавказа, к примеру) выразительное воплощение этнического чувства может существенно отличаться. Более того, скажем так – его энергия может варьировать и в рамках одного этноса, наши поиски в этом направлении однозначно свидетельствуют: не все осетины дорожат этническими ценностями и порядком, «утвержденным» их дальними и ближними предками. Опрос выявил наличие и той точки зрения, согласно которой языковые и иные данности другого этноса могут быть удобнее и комфортнее для нашей современной жизни. В то время, как в этой же среде молодежи есть последовательные ценители и даже пропагандисты «своего» этнического жизненного уклада.

Конечно, нельзя не признать качества амбивалентности этноидентичности, ее изменчивости. Современные процессы глобализации, реальность информационного общества, транснациональных стандартов массовой культуры и пр. во многом поспособствовали переосмыслению сути этнической / национальной идентичности, ее ослаблению во многих регионах мира. Неизбежны изменения индивидуальной и коллективной идентичностей, также увеличение их многоуровневости, ведь целостный образ человеческого «Я» отнюдь не ограничи-

вается этническими факторами. Однако изучение роли и места этнического компонента в идентификационных уровнях становится все более востребованным в России, соответственно, углубленный анализ свойств и функции субъектного восприятия собственной этнокультуры конкретных этносов, является своевременным и уместным. Повторимся, что развитие идентичности «россияне» может быть более успешно при условии целенаправленного изучения аспектов реализации национального чувства у разных российских этносов.

Позволим себе еще один комментарий, актуальный в контексте исследовательской парадигмы современной этнологии. Проблематика этнофорства, будучи напрямую связанной именно с «мыслительной» сферой этноса, может сомкнуть интересы разных платформ: конструктивизма, полагающего этнос мыслительным конструктом, и примордиализма, рассматривающего этнос как изначальное и обязательное гомогенное объединение людей. Вспомним, что отечественные этнографы XX в. (Пименов [2], Гиренко [17], Бромлей [18] и др.), трактовавшие этнос исключительно примордиалистски, понятие «этнофор» причисляли к мыслительной номинации «мы». То, что при изучении этнофорства примордиалисты апеллируют к мыслительной сфере, не может не импонировать этнологам-конструктивистам. Мнение, что проблематика «этнофорства» несет в себе некие объединительные качества, способные преодолеть старые шаблоны идеологизированных схем, одновременно с этим способствуя развитию идеи обновленной идеологии, уже высказана в этнологии [1].

Развитие проблематики этнофорства чрезвычайно важно для страны, принявшей огромное количество постсоветской миграции (и без того исторически многонациональной) и по сию пору не су-

мевшей в полной мере перейти к современному государству-нации. На данный момент созвучие этнорегиональных и общероссийской идентичностей может быть подготовлено усилиями этнологов, однако усилиям этим потребуются дальнейший рост, тем более, что разрабатываемая ранее идея новой российской национально-цивилизационной идентичности, основанной на разностороннем взаимодействии с Европой, ныне нуждается в основательной корректировке. На рубеже цивилизационного выбора,

в ситуации формирования новых самоопределений нельзя допустить потери ценностных ориентиров и, как следствие – кризиса этноидентичности. Стоит побороться за бережное отношение к духовным и нравственным накоплениям этнокультур и социальную креативность этнофорства. Только в этом случае общество может рассчитывать на формирование общественного идеала, способного трансформировать совокупный этнический потенциал в коллективное благо полиэтничного государства.

1. *Кадыров Ш.Х., Брусина О.И.* Этнография и этнология: смена парадигм // Историческая психология и социология истории. 2016. Т. 9. № 1. С. 157-173.
2. *Пименов В.В.* Удмурты. Опыт компонентного анализа. Л.: Наука, 1977. 262 с.
3. *Рыбаков С.Е.* О методологии исследования этнических феноменов // Этнографическое обозрение. 2000. № 5. С. 4-17.
4. *Ломов Б.Ф.* Психическая регуляция деятельности: избранные труды. М.: Ин-т психологии РАН, 2006. 622 с.
5. *Барабаничиков В.А., Селиванов В.В.* Психические состояния и креативность субъекта в дидактической VR-среде различной иммерсивности // Экспериментальная психология. 2022. Т. 15. № 2. С. 4-19.
6. *Мацумото Д.* Психология и культура. СПб.: Прайм-Еврознак; М.: Нева, 2002. 414 с.
7. *Крысько В.Г.* Этническая психология М.: Юрайт, 2019. 359 с.
8. *Сикевич З.В., Скворцов Н.Г.* Соотношение национальной и этнической идентичности молодежи (на примере Санкт-Петербурга) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 2. С. 277-291.
9. *Тишков В.А.* Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. № 4. С. 408-412.
10. *Выготский В.С.* Психология развития человека. М.: Эксмо, 2005. 90 с.
11. *Рыбаков С. Е.* О методологии исследования этнических феноменов // Этнографическое обозрение. 2000. № 5. С.4-17
12. *Губогло М.Н.* Интегрирующая функция языка // Социолингвистические проблемы развивающихся стран. М.: Наука, 1994. 239 с.
13. *Хадикова А.Х.* Факторы неотрадиционализма в современных процессах этнической самоидентификации осетин: объект-субъектный аспект проблемы // Вестник Владикавказского научного центра. 2022. Т. 22. № 3. С. 34-41.
14. Осетинские нартские сказания. М.—Владикавказ: Менеджер, 2010. 504 с.
15. *Гуревич А.Я.* Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: Дискуссионные, новые подходы. 1989. Вып. 1. С. 75-89.

16. Хадиков Х.Х. Очерки этнической психологии осетин. Владикавказ: СОГУ, 2015. 364 с.
17. Гиренко Н.М. Тенденция этнического развития Унъямвези XIX в. // Этническая теория Африки. Доколониальный период. М.: Наука, 1977. С. 70-90.
18. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 418 с.

Khadikova, Alina Kh. – V.I. Abaev North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); khadikova@mail.ru

ETHNOPHORE: HISTORICAL AND ETHNOGRAPHIC ASPECT OF THE STUDY (BASED ON THE STUDY OF THE PHENOMENON OF ETHNICITY OF THE DIVIDED OSSETIAN ETHNOS).

Keywords: *ethnophore, subjective aspect of the ethnic process, mental substratum of the ethnos, ethnic self-identification, survey, Internet space analysis, research paradigm of modern ethnology.*

The article attempts to identify the historical and ethnographic essence of the interdisciplinary concept of "ethnophore", its specific ethno-cultural content, conceptual consistency in the field of historical disciplines, clarifies the boundaries of the subject field of ethnology in relation to the study of the ethnophore as the main representative of the ethnos. The research is based on the results of the author's long-term research in the field of the ethnicity of the divided Ossetian ethnos and anticipates the intention of a specific historical- ethnographic /anthropological analysis of the Ossetian "ethnophore", intended to be implemented in retrospect: from archaic to modern state. The survey identifies sources corresponding to certain chronological periods, while it is planned to explore the world of modern ethnophore by interpreting the results of a survey of student youth conducted in 2021-22, as well as a targeted analysis of the Internet space, the blogosphere of North Ossetia. Partially, these data are contained in this article, but on the whole it is staged. At this stage of the work, conceptual views are summarized, the most effective research strategies for studying the characteristic patterns of the formation of the properties of the ethnophore and versions of their actualization in the context of the social and historical variability of the ethnos are proposed. Based on the experience of generalizing Ossetian ethnographic material, the author offers research plans for the study of ethnophore, and also focuses on institutions projecting the subjective aspect of ethnocultural continuity, ethnic identity. But the study also clarifies the problems of studying the ethnophore in the perspective of the actual needs of establishing broader identification markers ("Russians"). The problems of ethnophore are also considered in the context of the research paradigm of modern ethnology, more precisely, the unification of its main conceptual platforms.

References

1. Kadyrov, Sh.Kh., Brusina, O.I. *Etnografiya i ehtnologiya: smena paradigm* [Ethnography and ethnology: paradigm shift]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii* [Historical psychology and sociology of history]. 2016, vol. 9, no.1, pp. 157-173.
2. Pimenov, V.V. *Udmurty. Opyt komponentnogo analiza* [Udmurts. The experience of component analysis]. Leningrad, Nauka, 1977. 262 p.
3. Rybakov, S.E. *O metodologii issledovaniya ehtnicheskikh fenomenov* [On the methodology of the study of ethnic phenomena]. *Ehtnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2000, no. 5, pp. 4-17.
4. Lomov B.F. *Psikhicheskaya regulyatsiya deyatelnosti: izbrannye Trudy* [Mental

regulation of activity: selected works]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2006. 622 p.

5. Barabanshchikov, V.A., Selivanov, V.V. *Psikhicheskie sostoyaniya i kreativnost' sub'ekta v didakticheskoi VR-srede razlichnoi immersivnosti* [Mental states and creativity of the subject in a didactic VR environment of various immersivity]. *Ehksperimental'naya psikhologiya* [Experimental psychology]. 2022, vol. 15, no. 2, pp. 4-19.

6. Matsumoto, D. *Psikhologiya i kul'tura* [Psychology and culture]. St. Petersburg, Prime-Euro Sign; Moscow, Neva, 2002. 414 p.

7. Krysko, V.G. *Ehtnicheskaya psikhologiya* [Ethnic psychology]. Moscow. Yurayt, 2019. 359 p.

8. Sikevich, Z.V., Skvortsov, N.G. *Sootnoshenie natsional'noi i ehtnicheskoi identichnosti molodezhi (na primere Sankt-Peterburga)* [Correlation of national and ethnic identity of youth (on the example of St. Petersburg)]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology]. 2020, vol. 20, no. 2, pp. 277-291.

9. Tishkov, V.A. *Rossiiskaya identichnost': vnutrennie i vneshnie vyzovy* [Russian identity: internal and external challenges]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]. 2019, vol. 89, no. 4, pp. 408-412.

10. Vygotsky, V.S. *Psikhologiya razvitiya cheloveka* [Psychology of human development]. Moscow, Eksmo, 2005. 90 p.

11. Rybakov, S.E. *O metodologii issledovaniya ehtnicheskikh fenomenov* [On the methodology of the study of ethnic phenomena]. *Ehtnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2000, no. 5, pp. 4-17.

12. Guboglo, M.N. *Integriruyushchaya funktsiya yazyka* [Integrating function of language]. *Sotsiolingvisticheskie problemy razvivayushchikhsya stran* [Sociolinguistic problems of developing countries]. Moscow, Nauka, 1994. 239 p.

13. Khadikova, A.Kh. *Faktory neotraditsionalizma v sovremennykh protsessakh ehtnicheskoi samoidentifikatsii osetin: ob'ekt-sub'ektnyi aspekt problemy* [Factors of neotraditionalism in modern processes of ethnic self-identification of Ossetians: object-subject aspect of the problem]. *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra* [Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center]. 2022, vol. 22, no. 3, pp. 34-41.

14. *Osetinskie nartskie skazaniya* [Ossetian Nart tales]. Moscow—Vladikavkaz, Menedzher, 2010. 504 p.

15. Gurevich, A.Ya. *Problema mental'nostei v sovremennoi istoriografii* [The problem of mentalities in modern historiography]. *Vseobshchaya istoriya: Diskussii, novye podkhody* [Universal history: Discussions, new approaches]. 1989, iss. 1, pp. 75-89.

16. Khadikov, Kh.Kh. *Ocherki ehtnicheskoi psikhologii osetin* [Essays on ethnic psychology of Ossetians]. Vladikavkaz, North Ossetian State University, 2015. 364 p.

17. Girenko, N.M. *Tendentsiya ehtnicheskogo razvitiya Un'yamvezi XIX v.* [The trend of ethnic development of the Unyamwezi of the XIX century]. *Ehtnicheskaya teoriya Afriki. Dokolonial'nyi period* [Ethnic theory of Africa. Pre-colonial period]. Moscow, Nauka, 1977, pp. 70-90.

18. Bromley, Yu.V. *Ocherki teorii ehtnosa* [Essays on the theory of ethnos]. Moscow, Nauka, 1983. 418 p.